

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№4 (24) 2019

С. А. Козлов

Провинциальная повседневность и отголоски политических перемен в столице в письмах-исповедях П. А. Болотова отцу (1796–1801)*

Семейная переписка А. Т. и П. А. Болотовых (1796–1826), уникальный документальный комплекс¹, позволяющий изучить психологию провинциального дворянства в исторической перспективе. С 1796 по 1801 г. переписка велась непрерывно (за исключением 1 января – 4 мая 1801 г.), что дает возможность день за днем проследить частную жизнь дворянина: его душевные переживания, тревоги и надежды на будущее. Болотовы описывали отношения в семье, текущие события, хозяйственную жизнь. В письмах П. А. Болотова нашли отражение исторические события: последние дни правления Екатерины II и приход к власти Павла I, отношение провинциального дворянства к нововведениям императора, участие России во второй антифранцузской коалиции. Эпистолярное наследие показывает становление личности русского дворянина П. А. Болотова под воздействием провинциальной повседневности и воспитания его отца, А. Т. Болотова, тульского помещика, писателя, паркостроителя, агронома.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Эпистолярное наследие провинциальной дворянской семьи: комментированное издание переписки А. Т. и П. А. Болотовых (1796–1826)», № 19-09-00013.

В дворянских семьях детям зачастую не хватало родительской ласки. Занятые усадьбным хозяйством или светской жизнью родители уделяли мало внимания воспитанию своих чад. Их отдавали на попечение крепостных нянек и дядек. Как отмечал М. А. Барашев, русская мемуаристика сохранила многочисленные свидетельства привязанности питомцев к своим наставникам: их любовь заменяла детям родительскую ласку². Педагогическая система А. Т. Болотова — это прежде всего образец воспитания детей на собственном примере, что, безусловно, помогало сделать отношения отца и сына дружественными и доверительными, а также влияло на формирование юношеского мировоззрения. По мнению О. С. Муравьевой, дворянское воспитание — «это образ жизни, стиль поведения, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти бессознательно: путем привычки и подражания; это традиция, которую не обсуждают, а соблюдают. Поэтому важны не столько теоретические предписания, сколько те принципы, которые реально проявлялись в быте, поведении, живом общении»³.

Павел Болотов был надежным помощником отца в его начинаниях: экспериментах в Богородицком детском театре, в создании вокруг Богородицкого дворца-усадьбы пейзажного парка и рисовании акварелей с его видами. Из многочисленных рисунков они сделали «картинную книгу». Книжные пристрастия Павла Болотова формировались под воздействием библиотеки отца, насчитывавшей сотни книг и периодических изданий на русском, французском, немецком и английском языках.

Павел помогал отцу выписывать наиболее интересные заметки из газет в отдельную тетрадь под названием «Материал достопамятных и любопытных бумаг» и пополнять рукописный «Домашний исторический магазин»⁴. Более полувека А. Т. Болотов вел «Журнал вседневных событий», в который записывал свои «приключения», а также «какие приходили ему» «идеи и размышления». Кроме того, ежедневно он фиксировал в «Книжке метеорологических замечаний» погоду в Богородицке и Дворяниново. Следуя примеру отца, Павел вел дневник. Первым был «Настольный календарь или ежедневные записки» 16-летнего Павла Болотова за 1787 г.⁵

В 1789 г., после отъезда Павла Болотова в Петербург для вступления на военную службу, началась его переписка с отцом. Однако не прошло и года, как Павел Болотов получил увольнение от военной службы с чином капитана армии и возвратился в Богородицк. В 1796 г. он занял место асессора уголовной палаты в Туле и возобновил семейную переписку с отцом. Письма-отчеты к отцу П. А. Болотова отражают (по определению Е. Н. Марасиновой) наметившийся в последней трети XVIII в. качественный скачок в эволюции бытового документа — переход от наивного информативного письма о событиях повседневной жизни к доверительному размышлению-исповеди⁶.

12 ноября 1796 г. (менее чем через месяц после начавшейся переписки) П. А. Болотов «уведомил» отца о «великой и важной для всех новости» — кончине 6 ноября императрицы Екатерины II. Вечером 14 ноября с «нарочным се-

натским курьером» в Тулу был доставлен манифест «О кончине государыни императрицы Екатерины II и вступлении на престол государя императора Павла I»⁷. В письме от 15 ноября П. А. Болотов поместил «копию с сего достопамятного манифеста», в котором повелевалось подданным учинить присягу⁸.

П. А. Болотов сообщал в письме отцу: «Многочисленных карет цепь потянулась в довольно торжественном виде от губернатора в собор. <...> И великую сделали ошибку, что избрали сборищем не большой, хотя и холодной собор, где гораздо было бы просторнее, но теплую, что под колокольнею церковь, где хотя и теплее, но зато также ужасная теснота от простаго народа (которого <...> не допускать было невозможно)⁹, что чуть было не дошло до беды, ибо давка и духота сделалась нестерпимая, да и вся церемония не видна и почти не слышна от шума народа друг друга давящаго». И далее ассессор Тульской уголовной палаты с горечью отмечал: «Случилось попасть в такая сутиски, что истинно не знал, что и делать, придавили было совсем к перилам (что отгородка для господ), принужден был уже висеть на воздухе, опершись на плеча подле меня стоящих. Но ежели еще продолжилось хоть 10 минут, таковое мое положение, котораго тягость я и изобразить не могу, то пришел бы прямо сказать мат моей милости, но, спасибо, скоро нашли средство сделать себе несколько простору»¹⁰. После панихиды была отслужена обедня, а затем была произведена присяга.

П. А. Болотов поведал отцу «важную весть», о которой он узнал со всеми подробностями — «претрогательном зрелище» в Санкт-Петербурге «в день возшествия на престол государя». «Великия князья (Александр Павлович, Константин Павлович, Николай Павлович. — С. К.) вели свои гвардейские полки, — писал он, — и при жестоком морозе сами в одних мундирах предводительствовали и перед дворцом, а может быть и пред самим монархом, выходящим на балкон, приводили к присяге новья свои полки и сами присягали своему родителю»¹¹. Восторг у П. А. Болотова вызвало и известие о приготовлении к коронации без излишеств и роскоши: «Дай то Бог, чтоб во всем нам предписали границы, а то право уже забылись все до крайности и безпутства»¹².

По выражению П. А. Болотова, он был буквально «завален множеством новостей». Одна из них — о торжественном перенесении из Благовещенской церкви Александро-Невской лавры тела императора Петра III для предания земле в Петропавловском соборе вместе с телом императрицы Екатерины II¹³. В письмах от 26 и 29 ноября 1796 г. ассессор Тульской уголовной палаты с удивлением сообщал отцу: «За верное сказывают проезжие, что тело покойнаго императора Петра III уже перенесено из Невска[го] монас[тыря] посреди ночной темноты с церемониею во дворец, где поставлено рядом с покойною государынею на таковом же под пару великолепном катафалке и вместе будет погребатся!!!» И далее П. А. Болотов отмечал: «По обеим вместе полагается траур на всю империю с 25-го ноября на целый год»¹⁴.

Письма П. А. Болотова полны сведений о пожалованиях и назначениях императора Павла I¹⁵. «Ежедневно в публику выходят новья повеления

и благоустройства в пользу общества. И новостей, новостей пропасть!» — писал П. А. Болотов¹⁶. Павел I потребовал возвращения дворян из долгосрочных отпусков в полки, что (по словам П. А. Болотова) «произвело движение и не без сердечного прискорбия во всех дворянских фамилиях». 29 ноября 1796 г. ассессор Тульской уголовной палаты в письме отцу отмечал: «Многие отсюда вскоре отъезжают <...> А мешкать или и совсем не везть боятся, чтоб не выключили с предосуждением впредь по геролдии. <...> По одному Преображенскому полку сказывают более 5000 недорослей, чуть ли не устроится для них особенной корпус»¹⁷. 4 декабря 1796 г. был проведен смотр военнотружущих и все не явившиеся на действительную службу (в том числе записанные в полки дети) были уволены¹⁸. По данным И. В. Анненкова, таких числившихся в армии, получавших чины и награды, но нигде не служивших офицеров было исключено со службы 1541 человек¹⁹. Исключенных с военной службы запрещалось принимать на любую службу²⁰.

«Совсем новым» называл П. А. Болотов появившийся указ о ежегодном отпуске денег императорской фамилии²¹. При этом ассессор Тульской уголовной палаты ошибочно упоминает об «определении жалованья в 200 000 рублей на год» императрице Марии Федоровне. На самом же деле (согласно именному указу от 17 ноября 1796 г.) «супруге императора» из Казначейств отпускатось ежегодно по 500 тыс. р.²² С удовлетворением П. А. Болотов воспринял именной указ от 10 декабря 1796 г. об отмене хлебной подати «и о собирании вместо оной в казну деньгами по 15 копеек за каждый четверик»²³.

3 декабря 1796 г. у П. А. Болотова ночевал проезжавший из Москвы в Орел купец, издатель, книгопродавец И. В. Попов²⁴. От него он узнал, что Павел I одним из первых своих указов (11 ноября) освободил из Шлиссельбургской крепости московского издателя и просветителя Н. И. Новикова и возвратил ему из казенного ведомства оставшуюся часть имущества.

Дело в том, что А. Т. Болотова с освобожденным из заключения связывали давняя дружба и сотрудничество. На средства Н. И. Новикова в арендованной им типографии Московского университета с 1780 по 1789 г. печатался редактируемый А. Т. Болотовым журнал «Экономический магазин». Многочисленные выписки для него делал Павел. Н. И. Новиков был издателем нравоучительных произведений А. Т. Болотова, его пьесы «Нещастные сироты» (1781) и переводов А. Бевиуса, И. М. Геце, Н. Ле Камю де Мезьера.

Начавшаяся властями в 1787 г. «ревизия» издательства Н. И. Новикова «озаботила и смутила» А. Т. Болотова. Он опасался, чтоб не пропали оставшиеся еще на нем деньги за журнал и чтоб не пресеклось «самое издание оно-го». Власти мотивировали свои действия тем, что множество книг религиозного содержания печатались в светских издательствах в нарушение законной (и прибыльной) монополии издательства Святейшего синода. Это отчасти подтвердил и Н. И. Новиков в письме А. Т. Болотову от 1 ноября 1787 г. Его изложил Павел в «Настольном календаре» 1787 г. Н. И. Новиков уведомлял, что

«книг у него все отнято, где толко упомянуто о Боге или о Христе»²⁵. 18 ноября Н. И. Новиков неожиданно приехал в Богородицк по дороге к своим родным в Елец. Он заверил А. Т. Болотова в продолжении сотрудничества²⁶.

В 1791 г. Московскому университету было запрещено продлевать Н. И. Новикову аренду типографии. В апреле 1792 г. Екатерина II повелела арестовать Н. И. Новикова и заточить в каземат Шлиссельбургской крепости, откуда он и вышел после смерти императрицы²⁷. Павел Болотов в письме отцу от 3 декабря 1796 г. сразу же сообщил об этом: «При свидании личном более с вами о том переговору. Он (И. В. Попов. — С. К.) был и у Новикова в кратковремен[ном] его проезде чрез Москву. Сказывал, что отростил превеликую бороду и, к сожалению всеобщему, уже не тот Ник[олай] Ив[анович], что был прежде, несколько повредился и двух-де часов не может разговаривать порядочно, тотчас собьется и в забывчивости занесет “алиллюю”. Однако поехал уже из деревни в Петербург по приказу же государя, которой об нем вспомнил в третий даже день своего воцарения»²⁸.

А. Т. Болотов возобновил переписку с Н. И. Новиковым, о чем неоднократно упоминал в «Записках». «Сколько силы мои позволят, то буду со всею охотою пользоваться вашим адресом, — писал позже (11 января 1815 г.) Н. И. Новиков А. Т. Болотову. — Впрочем, поруча себя дружескому и благосклонному вашему благорасположению ко мне, пребуду всегда с искренним почтением и любовью»²⁹.

П. А. и А. Т. Болотовы обменивались мнениями о нововведениях императора Павла I и высказывали уверенность, что всё это поможет «искоренить, верно вкравшиеся повсюду, оплошности и злоупотребления». В письме отцу 20 декабря 1796 г. П. А. Болотов отмечал: «Из Петербурга пишут, что там денно и ночью трудятся над реформою наместничеств, и чуть ли все это не выдет ли к Новому году, и тогда вкупе решится и моя, и всех нас участь»³⁰. И действительно, 12 декабря 1796 г. был опубликован именной указ, данный Сенату «О новом разделении государства на губернии»³¹. Как отмечал А. В. Скоробогатов, ключевой идеей реорганизации местного управления была централизация и строгая иерархичность сверху донизу. Еще одной задачей было сокращение расходов на содержание губернской администрации. Указом предусматривалось упразднить семь губерний и одну область и установить вместо 50 41 губернию и Область Войска Донского³².

Однако о «тульской участи» (т. е. управлении Тульской губернией. — С. К.) всё было «закрыто завесою неизвестности», повсюду «носились слухи» о том, что «скоро должно выгтти о всем решение». В декабре 1796 г. правитель Тульского наместничества и первый гражданский губернатор А. И. Лопухин был отправлен в отставку. Новым губернатором 19 марта 1797 г. был назначен Н. С. Лаптев. 24 апреля П. А. Болотов писал отцу: «Вся Тула уже очень довольна, человек доброй и тихой, однако знающей и деловой»³³. Но его правление оказалось недолгим. 27 апреля Н. С. Лаптев был отправлен в отставку, гражданским губернатором Тульской губернии утвердили М. Я. Геденова, который оставался на этом посту до февраля 1798 г.

По словам П. А. Болотова, «тревогу и беспокойное любопытство» в провинциальном обществе вызвал новой «огромный» («страх послушать») Военский устав о полевой пехотной и кавалерийской службе, опубликованный 29 ноября 1796 г.³⁴ 31 декабря 1796 г. ассессор Тульской уголовной палаты писал отцу: «Военной Устав читали многия и сказывали, что основан весь на ужасных и чрезвычайных строгостях, и многое очень ограничено, даже предписано, кому какие из военных чинов столы иметь, и очень в немногих кувертах, а иным не иметь даже ужинов. Генерал имеет в армии только четыре лошади в карете, а офицеры до капитанов не имеют себе и повозки. <...> Все будет на военной ноге, и Военной Устав будет, как видно, главнейшею частью и душою узаконенною; постой здесь будут без изъятия по всем домам»³⁵.

8 февраля 1797 г. в Тульскую уголовную палату поступил указ «О скорейшем произведении реформы судебных дел», согласно которому палаты гражданских и уголовных судов были ликвидированы. Вместо них в каждой губернии учреждалась палата суда и расправы, разделенная на два департамента. Апелляционной инстанцией являлся Сенат. П. А. Болотов с тревогой писал отцу: «Неизвестность, как будет производится губернатором сформирование остающихся судебных мест, <...> произвела здесь многия разнообразныя толки, даже до ссоры и множества шума при трактациях о сем пункте. Все оное продолжалось и во все сии дни и особенно о том переименовывать ли нам себя полатою суда и расправы, не дожидаясь губернаторскаго приезда? Некоторые наиболее умничающие здесь особы <...> старались всех в свою пользу утверждать образ сего укомплектования и наименования сей полаты даже до дурачества. Но все это, наконец, разрешено нам теперь. <...> И вышло по нашему, что обе полаты, не разрушая нимало, переименовали только из уголовной — 1-м департаментом, а из гражданской — 2-м департаментом, полаты суда и расправы, выключив из каждой по одному советнику, нимало не переменяя в оных прочих чинов». И далее П. А. Болотов рассуждал так: «Сие обстоятельство, что все ассесоры в обеих полатах останутся на своих местах имеет немаловажное влияние на разрешение и моей участи, и судя по последнему получению видно, что тайная моя надежда, что авос либо я благопристойным образом без собственной своей прозбы буду от службы уволен, теперь должна разрушится, и что надобно достоверно полагать, что судьба определяет мне еще несколько времени посидеть за красным сукном, что, с одной стороны, теперь хотя очень, очень не безчестно и для скорейшаго получения штаб-офицерскаго чина (единственной почти, как самим вам известно, моей цели) очень нужно»³⁶.

У тульских помещиков Болотовых вызывали беспокойство поступавшие отовсюду известия, которые стали «главной материей разговоров и общаго внимания»: о крестьянском неповиновении «господам своим» в Тульской, Орловской, Калужской, Ярославской, Вологодской, Псковской, Новгородской, Нижегородской, Пензенской губерниях. 8 февраля 1797 г. П. А. Болотов писал отцу из Тулы: «В Камаринской волости говорят дошло возмущение до весьма

важных последствий и урону в людях с обеих сторон как усмиряющих, так и усмиряемых. И у вас под боком в Епифанском уезде <...> от давидовских крестьян также произошел нешуточный мятеж, для усмирения которого отправлен уже отсюда член Верхнего Земского суда. Истинно страшно ажно послушать, как много повсюду разлилось этаго зла. Дай Бог, чтоб не имело важнейших последствий»³⁷.

Павел I, не довольствуясь строгими предписаниями губернаторам о подавлении крестьянских выступлений, 29 января 1797 г. издал «высочайший манифест», в котором призывал бунтовщиков «обратится к должному законам и власти повиновению, ведая, что закон Божий поучает повиноваться властям предержавшим, из которой нет ни единой, которая бы не от Бога поставлена была. Повелеваем, чтобы все, помещикам принадлежащие крестьяне, спокойно пребывая в прежнем их звании, были послушны помещикам своим в оброках, работах и словом — всякого рода крестьянских повинностях, под опасением за преслушание и своевольство неизбежного по строгости закона наказания»³⁸.

Получив с нарочным курьером манифест «противу мятежных и непокоривых господам своим крестьян», П. А. Болотов приложил список с него в письме отцу 8 февраля 1797 г. Появление манифеста вызвало у асессора Тульской уголовной палаты двойные чувства. С одной стороны, он с удовлетворением констатировал: «Манифест хорошо и прекрасно сочинен. <...> По крайней мере, можно теперь очень надеяться на защиту правительства и сей манифест есть зеркало благоразумных мыслей императора о сем пункте, и как бы сказать, символ исповедания образа правления нашей империи, на которой помещики и все дворяне могут довольно опереться в своей надежде». Вместе с тем П. А. Болотов усомнился в его эффективности для «замирения бунтовщиков»: «Он (манифест. — С. К.) более будет вразумителен не крестьянам, коим потребно бы для разуверений в их сумасбродстве и удержании от неистовств гораздо яснейшия и простонароднейшия угрозы для устрашения их и обуздания от опасных следствий их горячки вольности, которая по ежедневно получаемым новым известиям ужасно, как распространится повсюду». И далее П. А. Болотов восклицал: «Хоть бы сей манифест и жестокия наказания усмирили сих сумасшедших дураков»³⁹.

Для «усмирения взбунтовавшихся крестьян» были направлены значительные военные силы во главе с генерал-фельдмаршалом князем Н. В. Репниным. По словам П. А. Болотова, «именитой гость» 7 февраля 1797 г. побывал в Туле и «поскакал далее в Орел» «для усмирения Камаринской волости»⁴⁰.

10 февраля 1797 г. П. А. Болотов поведал отцу о том, что «70 человек бунтовщиков убито и 200 ранено» и в результате сожжения селения Брасова Орловской губернии «бунтовщики были приведены в страх и повиновение». И далее он восклицал: «Экая чуха настроена от дураков» и «Боже упаси нас от подобного нещастия!»⁴¹

Принято считать, что ответом властей на массовые выступления крестьян стал манифест от 5 апреля 1797 г., который рекомендовал помещикам «не принуждать крестьян к работам» в воскресные дни и определял, что трех дней для работы на помещика «достаточно будет на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям»⁴².

Особое место в переписке отца и сына Болотовых занимали пространные выписки из иностранных газет о текущих международных событиях (например, «о потерях, претерпенных французами и гишпанцами на море», «о разбитии цесарцов в Италии» и др.)⁴³. Драматизмом наполнены письма Павла Болотова об участии России во второй антифранцузской коалиции. С восторгом он пересказал отцу (в письме от 2 мая 1799 г.) «списачек об одном анекдоте» про А. В. Суворова. Речь в нем идет о военном совете австрийского генералитета (гофкригсрате), на котором его председатель барон И. А.-Ф. де Паула фон Тугут «неохотно соглашался на полное доверие графу в разсуждении военных действий и старался разбить его в словах в знании войны». На это А. В. Суворов ответил ему так: «Знаю ли я войну, сие представляю судить другим, но что я известен войне сие все знают, и, следовательно, могу утвердительно сказать, что одною минутою часто теряют баталию, один час решает судьбу кампании, одним днем может погибнуть целое государство». Это заставило всех замолчать, и А. В. Суворов «испросил позволение сделать некоторыя перемены в одежде солдат, соразмеряя всио климату»⁴⁴.

27 мая 1799 г. П. А. Болотов писал отцу: «Дочитывая вчерашния газеты, переносился я мыслями из деревенскаго уединения и от сельских упражнений к кровавым зрелищам Европы. Как мы здесь спокойны и как не чувствуем того нимало, когда столько людей находятся в ужасных безпокойствах, страхах или болезнях от меча и огня и когда течется, может быть, кровь ручьями и наших самых русских. Но что делать — одно зло избавляет от другаго страшнаго шага, а особливо при нынешней войне можно сказать: какия кровопролития не были бы сделаны от Суворова, но все может служить в пользу! Как мило читать все то, что об нем пишут. Всей Европы глаза устремлены на него! <...> И вряд ли будет стоят против него долго какая-нибудь крепость и теперь, когда пишу, верно, друг наш, далеко прочесал»⁴⁵.

Итальянский и Швейцарский походы увенчали полководца новой славой. 29 октября 1799 г. император Павел I пожаловал А. В. Суворову звание генералиссимуса. Решено было при жизни поставить ему памятник в Санкт-Петербурге. Проект монумента был одобрен в декабре 1799 г. Отливку статуи в бронзе по модели, созданной скульптором М. И. Козловским, выполнил литейщик В. П. Екимов. Однако установлен памятник был уже в годовщину смерти А. В. Суворова — 5 мая 1801 г. на Царицыном лугу (на Марсовом поле).

П. А. Болотов в письме отцу (25 июля 1801 г.) с восхищением сообщал о воздвигнутом в Санкт-Петербурге монументе в честь «любленнаго нами великаго российскаго героя», «лестно для потомков его изображаемого <...> во всем

виде разящим одною рукою злобу, а другою, покрывающим большим щитом разныя европейския короны». Он также списал «маленький стишок» — надпись к монументу:

Для обращения всяя Европы взоров
На образ сей, в меди блистающий средь нас,
Не нужен стихотворцев глас
Довольно молвить: Се Суворов!⁴⁶

Вероятно, П. А. Болотов по незнанию не указал автора «надписи к изваянному князя Италийского графа Суворова-Рымникского образу, воздвигнутому в Санкт-Петербурге на Царицыном лугу», — писателя, государственного и военного деятеля, адмирала А. С. Шишкова⁴⁷.

Письма П. А. Болотова отцу наполнены многочисленными свидетельствами провинциальной повседневной жизни. Ассессор Тульской уголовной палаты делился впечатлениями от посещения театра и музыкальных вечеров. Тульский театр, открытый в 1777 г., стал на долгие годы центром культурной жизни в городе. В его репертуаре были пьесы Ж.-Б. Мольера, А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, В. А. Левшина⁴⁸. 6 сентября 1797 г. П. А. Болотов сообщил о том, что театр «снабдился уже теперь собственною музыкаю», а также поведал о своих впечатлениях от увиденной им «слезной» комедии Д. В. Ефимьева «Преступник от игры, или Братом проданная сестра». «Мне показалось в ней очень много ненатуральности, кроме важнейшаго, что комедия сочинена в стихах»⁴⁹, — отмечал он.

7 ноября 1797 г. П. А. Болотов смотрел в театре комическую оперу Н. П. Николева на музыку И. Ф. Керцелли «Розана и Любим», и с тревогой писал о возможном закрытии театра и «превращении» его «чуть ли не в манеж для здешняго полку»⁵⁰. 4 декабря 1797 г. П. А. Болотову вновь «удалось урвать время до театра» и посмотреть комедию П.-О.-К. Бомарше «Евгения». «Я имел довольно удовольствия, видя в первой раз сию драму, — писал ассессор Тульской уголовной палаты, — и очень изрядно здесь странную в самых труднейших пассажах, так что она довольно растрогали». А игра актеров «довольно заслужила рукоплесканий всей здешней публики»⁵¹.

П. А. Болотов был «завсегдашним» на редутах, т. е. собрании тульских горожан для общественного увеселения. 8 ноября 1796 г. он писал отцу, что «собрание было нарочито велико» и «танцевать при внимательном смотре публики несколько жутко». Однако это не помешало ему «пуститьсь на контрдансы» и «разтанцоваться очень», в результате «редут зделался <...> весел»⁵². П. А. Болотов подробно описал первомайское гуляние в Туле. «Оно было у нас в роще за городом в стороне левой от московской дороги и происходило с такими обстоятельствами, что, можно сказать, было весело довольно, — отмечал он в письме отцу 4 мая 1797 г. — Собрание было превеликое дам и кавалеров,

а особенно полковых всадников, а равно и всякого звания людей, которое, будучи разделено на разные группы и занятия, представляло вкуче с множеством разных экипажей и палаток картинное зрелище, которое усовершенствовалось музыкою. <...> Завелись разные песни, пляски и игры, как-то в веревочку, в горелки, в коих с нами, молодежью, участвовало самое даже генералство, так что нарезвились и насмеялись очень довольно, и все это просто и без церемониев»⁵³. Вечером был «блистательный» редут «с редкими виртуозами и певчими, которые навеселили довольно прекрасными концертами», а офицеры «утешили своим танцеванием и пляскою как публику, так и танцовщиц, нуждавшихся очень в дансерах»⁵⁴.

П. А. Болотов «нескучно делил время» с местным художником («живописцем»), ежедневно позируя ему для написания портрета. «Здесь многия уже собираются занять живописца работаю, — писал он отцу 20 декабря 1796 г., — Портрет написан уже более нежели наполовину, и все видавшая, говорят, что довольно похоже. Постараюсь привести его к празднику с собою»⁵⁵.

2 мая 1799 г. П. А. Болотов получил в подарок портрет Наполеона Бонапарта, которого назвал «человеком очень славным, а именно великим пройдохой нынешнего времени» и пообещал послать отцу «вместо гостинца». Однако тут же передумал, опасаясь пересылать с прикащиком, «чтоб в трубочке не измял»⁵⁶.

Болотовы широко использовали достижения народной медицины, а также проявляли большой интерес к применению электричества во врачебном деле. Андрей Тимофеевич нашел подробное описание устройства электрической машины («электрофора») в иностранной литературе. Вместе с Павлом он сконструировал собственную машину и применял ее при лечении ревматизма, головной и зубной боли, подагры, нервных расстройств и т. д. Как отмечал А. П. Бердышев, «больные, получившие облегчение, а тем более полностью вылечившиеся, по возвращении домой рассказывали родным и знакомым об удачном исходе»⁵⁷. Слухи распространялись по округе и многие больные стали обращаться к Болотовым за помощью.

6 сентября 1797 г. П. А. Болотов отмечал, что назначенный гражданским губернатором М. Я. Геденнов «в разговорах со мною» объявил, что «слышал о машинке и о леченях наших», «признает за полезное сие врачевание», и желал бы «по некоторым обстоятельствам своего нездоровья полечиться»⁵⁸. Ассессор Тульской уголовной палаты предложил свои услуги и посоветовал губернатору «лучше электризоваться на вечер, чтоб не подвергнуть при выходе после того на стужу множайшей простуде»⁵⁹.

Письма П. А. Болотова наполнены размышлениями «о городской шумливости» и прелестях деревенской жизни. С воодушевлением воспринял он решение отца уйти с места управителя дворцовыми имениями в Богородицкой области (купленными Екатериной II для внебрачного сына А. Г. Бобринского), и уехать в родовое имение в Дворяниново. 26 февраля 1797 г. ассессор Тульской уголовной палаты писал отцу: «Истинно в иной день так соскучишься, что очень

вспоминаешь драгоценную деревенскую свободу, а особливо при нынешнем вашем переселении. Желал бы, кажется, очень быть вашим сотрудником. <...> Приобретение чина <...> побуждает не отказываться добровольно, хотя и от тягостного, но такова места, к которому вновь не скоро прильнешь»⁶⁰. 23 марта 1797 г. П. А. Болотов поздравил отца «с новым переселением». «Всеусерднейше желаю, чтоб все дни ваши в недрах своей родины протекали в мире, тишине и благополучии, а более всего в спокойствии душевном и в удовольствиях, какая может доставлять всегда занятия обработыванием и украшением своей собственности», — отмечал он. И далее уверял: «Труда, хлопот и работы будет много, зато довольно и утешения, а наконец, когда все это устроится, когда приведется в желаемое совершенство, тогда то какая удовольствия, останется только в спокойствии утешатся всем и наслаждаются плодами трудов своих»⁶¹.

В целом письма-исповеди П. А. Болотова отцу, как наиболее достоверные свидетельства провинциальной повседневной жизни, являются своеобразным «зеркалом общества» и позволяют изучить исторические события через призму личностного фактора.

¹ См., например: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А. и М. П.), Ф. 608 (Собрание И. В. Помяловского). Оп. 2; Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. Ф. 69 (Собрание А. Т. Болотова); Отдел рукописей Института русской литературы РАН. Ф. 537 (А. Т. Болотов); Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 475 (А. Т. Болотов); Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 349 (А. Т. Болотов).

² *Барашев М. А.* Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX в. // Вопросы образования. 2010. № 1. С. 227.

³ *Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 2001. С. 9–10.

⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 2. 88/12; Ф. 89. Д. 32–54; 78–95.

⁵ *Козлов С. А.* Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года» / Отв. ред. З. В. Дмитриева. СПб., 2006.

⁶ *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 48–51.

⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 24. № 17530. С. 1.

⁸ Там же. ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 24 об.

⁹ Здесь и далее в цитатах сохранены авторские скобки.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 25.

¹¹ Там же. Л. 27.

¹² Там же.

¹³ ПСЗ. Т. 24. № 17537. С. 2.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 35; 40 об. Восклицательные знаки в цитате П. А. Болотова.

¹⁵ Там же. Л. 34 об., 42 об. и др.

¹⁶ Там же. Л. 35 об.

¹⁷ Там же. Л. 40.

¹⁸ ПСЗ. Т. 24. № 17620. С. 220; *Сафонов М. М.* Павел I и его время (Проблема реформ в правительственной политике России в конце XVIII в.) // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России: Сб. ст. / Ред.-сост. Р. Г. Красюков. СПб., 1995.

- С. 16–25; *Скоробогатов А. В.* Государство и общество в идеологии и политике императора Павла I. Казань, 2004. С. 78–79.
- ¹⁹ *Аниенков И. В.* История лейб-гвардии конного полка. 1731–1848. СПб., 1849. Ч. 1. С. 190.
- ²⁰ ПСЗ. Т. 24. № 18245. С. 800; Т. 26. № 19508. С. 255.
- ²¹ ПСЗ. Т. 24. № 17560. С. 7.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. № 17628. С. 226–227.
- ²⁴ *Жилякова Э. М. А. П.* Елагина — автор статьи о книгопродавце Иване Васильевиче Попове // Текст. Книга. Книгоиздание: научно-практический журнал. Томск, 2016. № 1 (10). С. 117–126.
- ²⁵ *Козлов С. А.* Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». С. 243.
- ²⁶ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871. Т. 4. С. 196–197.
- ²⁷ См. подробнее: *Степанов В. П.* Новиков Н. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 363–376; *Некрасов С.* Апостол добра: Повествование о Н. И. Новикове. М., 1994.
- ²⁸ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 42 об.
- ²⁹ Письма Н. И. Новикова / Сост. А. И. Серков, М. В. Рейзин. СПб., 1994. С. 199.
- ³⁰ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 47 об.
- ³¹ ПСЗ. Т. 24. № 17634. С. 229–230.
- ³² *Скоробогатов А. В.* Государство и общество в идеологии и политике императора Павла I. С. 66, 71.
- ³³ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 128 об.
- ³⁴ ПСЗ. Т. 24. № 17588. С. 26–156; № 17590. С. 156–212.
- ³⁵ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 55.
- ³⁶ Там же. Л. 87–88.
- ³⁷ Там же. Л. 86 об.
- ³⁸ Цит. по: *Де-Пуле М.* Крестьянское движение при императоре Павле Петровиче // Русский архив. 1869. С. 544.
- ³⁹ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 86 — 86 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 86 об., 89 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 89 об., 95 об.
- ⁴² ПСЗ. Т. 24. № 17909. С. 577.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 95.
- ⁴⁴ Ф. 608. Оп. 2. 88/XXIV. в-1. Л. 3 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 20 об.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 89. Д. 112. Л. 76.
- ⁴⁷ *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов. СПб., 1831. Ч. 14. С. 165.
- ⁴⁸ *Глаголева О. Е.* Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII — первой половины XIXв. Тула, 1993. С. 118–119.
- ⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 182.
- ⁵⁰ Там же. Л. 205 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 228 об.
- ⁵² Там же. Л. 17 об.
- ⁵³ Там же. Л. 137 об. — 138.
- ⁵⁴ Там же. Л. 138 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 47.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 608. Оп. 2. 88/XXIV. в-1. Л. 1, 3 об.
- ⁵⁷ *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры. 1738–1833. М., 1988. С. 289. А. Т. Болотов написал книгу, в которой изложил свои взгляды на электротерапию (*Болотов А. Т.* Краткие и на опытности основанные замечания об

электрицизме и о способности электрических машин к помоганию от различных болезней. СПб., 1803).

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 89. Д. 111. Л. 181 об.

⁵⁹ Там же. Л. 193.

⁶⁰ Там же. Л. 100 об., 101.

⁶¹ Там же. Л. 113 об.

References

ANNENKOV I. V. *Istoriya lejbgvardii konnogo polka. 1731–1848* [History of the life guard's cavalry regiment. 1731–1848. In Russ.] St. Petersburg, 1849. CH. 1.

BARASHEV M. A. *Domashnee vospitanie v russkoj dvoryanskoj sem'e второй poloviny XVIII – nachala XIX v.* [Home education in the Russian noble family of the second half of 18th – early 19th century. In Russ.] // *Voprosy obrazovaniya*. 2010. N 1. S. 225–235.

BERDYSHEV A. P. *Andrej Timofeevich Bolotov – vydayushchij deyatel' nauki i kul'tury* [Andrei Timofeievich Bolotov – an eminent researcher and scholar. 1738–1833. In Russ.] Moscow, 1988.

BOLOTOV A. T. *Kratkie i na opytности osnovannye zamechaniya ob elektricizme i o sposobnosti elektricheskikh mashin k pomoganiyu ot razlichnyh boleznej* [Brief and experience-based remarks on electricity and the ability of electric machines to help against various diseases. In Russ.] St. Petersburg, 1803.

GLAGOLEVA O. E. *Russkaya provincial'naya starina. Oчерki kul'tury i byta Tul'skoj gubernii XVIII – pervoj poloviny XIX v.* [Russian provincial antiquity. Sketches of culture and life of Tula province 18th – the first half of the 19th century. In Russ.] Tula, 1993.

DE-PULE M. *Krest'yanskoe dvizhenie pri imperatore Pavle Petroviche* [Peasant movement under Emperor Paul Petrovich. In Russ.] // *Russkij arhiv*. 1869. S. 526–577.

Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova, opisannyja samim im dlya svoih potomkov. [The life and adventures of Andrej Bolotov, described by himself to their descendants. In Russ.] St. Petersburg, 1871. T. 4.

ZHILYAKOVA E. M. *A. P. Elagina – avtor stat'i o knigoprodavce Ivane Vasil'eviche Popove* [The Author of an Article about the Bookseller Ivan Vasilievich Popov. In Russ.] // *Tekst. Kniga. Knigozdanie: nauchno-prakticheskij zhurnal*. Tomsk, 2016. N 1 (10). S. 117–126.

KOZLOV S. A. *Russkaya provinciya Pavla Bolotova: "Nastol'nyj kalendar' 1787 goda"* [The Russian Province in the "1787 Desk Calendar" of Pavel Bolotov. In Russ.] / *Otv. red. Z. V. Dmitrieva*. St. Petersburg, 2006.

MARASINOVA E. N. *Psihologiya elity rossijskogo dvoryanstva poslednej treti XVIII veka.* [Psychology of the Russian Gentry Elite in the Last Third of the 18th Century. In Russ.] Moscow, 1999.

MURAV'EVA O. S. *Kak vospityvali russkogo dvoryanina.* [How was taught a Russian nobleman. In Russ.] St. Petersburg, 2001.

NEKRASOV S. *Apostol dobra: Povestvovanie o N. I. Novikove.* [The Apostle of goodness: the story of N. I. Novikov. In Russ.] Moscow, 1994.

Pis'ma N. I. Novikova [Letters of N. I. Novikov. In Russ.] / *Sost. A. I. Serkov, M. V. Rejzin*. St. Petersburg, 1994.

SAFONOV M. M. *Pavel I i ego vremya (Problema reform v pravitel'svennoj politike Rossii v konce XVIII v.)* [Paul I and his time (The Problem of reforms in the government policy of Russia in the late 18th century). In Russ.] // *Imperator Pavel Pervyj i Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii: Sb. st. / Red.-sost. R. G. Krasnyukov*. St. Petersburg, 1995. S. 16–25.

SKOROBOGATOV A. V. *Gosudarstvo i obshchestvo v ideologii i politike imperatora Pavla I.* [State and society in the ideology and politics of Emperor Paul I. In Russ.] Kazan', 2004.

STEPANOV V. P. *Novikov N. I.* [N. I. Novikov. In Russ.] // *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka*. St. Petersburg, 1999. Вып. 2. S. 363–376.

SHISHKOV A. S. *Sobranie sochinenij i perevodov.* [A collection of essays and translations. In Russ.] St. Petersburg, 1831. CH. 14.

Список литературы

- Анненков И. В.* История лейб-гвардии конного полка. 1731–1848. СПб., 1849. Ч. 1.
- Барашев М. А.* Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII – начала XIX в. // Вопросы образования. 2010. № 1. С. 225–235.
- Бердихев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры. 1738–1833. М., 1988.
- Болотов А. Т.* Краткие и на опытности основанные замечания об электрицизме и о способности электрических машин к помоганию от различных болезней. СПб., 1803.
- Глаголева О. Е.* Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX в. Тула, 1993.
- Де-Пуле М.* Крестьянское движение при императоре Павле Петровиче // Русский архив. 1869. С. 526–577.
- Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871. Т. 4.
- Жилякова Э. М. А. П. Елагина* – автор статьи о книгопродавце Иване Васильевиче Попове // Текст. Книга. Книгоиздание: научно-практический журнал. Томск, 2016. № 1 (10). С. 117–126.
- Козлов С. А.* Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года» / Отв. ред. З. В. Дмитриева. СПб., 2006.
- Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999.
- Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 2001.
- Некрасов С.* Апостол добра: Повествование о Н. И. Новикове. М., 1994.
- Письма Н. И. Новикова / Сост. А. И. Серков, М. В. Рейзин. СПб., 1994.
- Сафонов М. М.* Павел I и его время (Проблема реформ в правительственной политике России в конце XVIII в.) // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России: Сб. ст. / Ред.-сост. Р. Г. Красюков. СПб., 1995. С. 16–25.
- Скоробогатов А. В.* Государство и общество в идеологии и политике императора Павла I. Казань, 2004.
- Степанов В. П.* Новиков Н. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 199. Вып. 2. С. 363–376.
- Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов. СПб., 1831. Ч. 14.

С. А. Козлов. Провинциальная повседневность и отголоски политических перемен в столице в письмах-исповедях П. А. Болотова отцу (1796–1801)

В статье рассмотрено эпистолярное наследие Павла Андреевича Болотова (1796–1801), что позволило день за днем проследить частную жизнь дворянина в контексте эпохи. В 1796 г. П. А. Болотов поступил ассессором в Тульскую уголовную палату и начал вести переписку с отцом, продолжавшуюся вплоть до 1820-х гг. В письмах нашли отражение события российской истории: последний год правления Екатерины II и приход к власти Павла I, отношение провинциального дворянства к нововведениям императора, участие России во второй антифранцузской коалиции. Письма показывают становление личности русского дворянина П. А. Болотова под воздействием провинциальной повседневности и воспитания его отца, А. Т. Болотова, тульского помещика, писателя, паркостроителя, агронома. Письма П. А. Болотова отцу представляют собой доверительные размышления-исповеди о времени перемен в стране, последовавших после кончины Екатерины II; они затронули Болотовых, изменив их судьбы. Сохранившийся комплекс документов отражает также изменение формуляра и языка частного письма конца XVIII в.

Ключевые слова: Павел Андреевич Болотов, Андрей Тимофеевич Болотов, эпистолярное наследие, провинциальная повседневность.

S. A. Kozlov. Provincial daily life and the echoes of political change in the capital letters-confessions from P. A. Bolotov to father (1796–1801)

The article presents a study of Pavel Andreevich Bolotov's epistolary heritage (1796–1801), which makes it possible to trace the man's day-to-day private life 'from inside' in the context of the era. In 1796 P. A. Bolotov took up civil service in the position of assessor in the Tula criminal justice chamber and resumed correspondence

with his father, which lasted up to the 1820s. The correspondence gives evidence of such events in the history of Russia as the last year of Catherine the Great's reign, the coming to power of Paul I, attitude of provincial nobility to the emperor's innovations, Russia's part in the second anti-French coalition. It also shows how the personality of the Russian nobleman P. A. Bolotov was shaped by small-town daily routine and family upbringing especially his father's Andrei Timofeievich Bolotov who was a landlord in Tula, a writer, agronomist and park designer. The letters from Pavel Bolotov to his father are in fact reflections of confidential nature on the time of changes in the country after the death of Catherine II, which affected the Bolotov's life radically transforming their destiny. The preserved set of documents also reflects the change in the form and language of the private letter of the late 18th century.

Key words: Andrei Timofeievich Bolotov, Pavel Andreievich Bolotov, epistolary heritage, provincial daily life.

Козлов, Сергей Александрович — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Kozlov, Sergei Alexandrovich — Doctor of Sciences, Full Professor, Head of the History, Philosophy and Culture Studies Department, Higher School of Technology and Energy, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

E-mail: sakozl@rambler.ru